

18. Русская драма эпохи А. Н. Островского / Под ред. А. И. Журавлевой. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1984. – 464 с.
19. Тимашова О. В. П. А. Катенин и А. Ф. Писемский. Преемственные связи и полемика // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия Филология. Журналистика. 2018. Вып. 1. – С. 56–59.

ЛИТЕРАТУРА В ШКОЛЕ: ЭТИКА ИЛИ ЭСТЕТИКА?

Н. А. Карпов

shakespirr@mail.ru

Санкт-Петербургский государственный университет
(Санкт-Петербург)

Еще в 2014 г. известный портал «ПостНаука» опубликовал ряд выступлений современных филологов, посвященных проблемам изучения литературы в современной школе. Что интересно, все они выдержаны примерно в одной тональности: школьное преподавание литературы находится в глубоком кризисе. И как один из симптомов этого кризиса авторы единодушно отмечают проникшую в школу «“охранительную” тенденцию» [6], заключающуюся в попытках представить художественную литературу, главным образом, как средство воспитания и пропаганды нравственных ценностей.

«Нездоровое внимание общественности к этому предмету (преподаванию литературы в школе – *Н. К.*) рождает целый ряд фантастических концепций, – объявляет Д. П. Бак. – Например, исходящих из того, что преподавание литературы должно быть построено на воспитательной парадигме. Это идея, не имеющая ничего общего с жизнью. То есть литература может воспитывать, это одна из ее функций, но функция эта дополнительная, вторичная, а главная функция литературы – эстетическая. <...> Я слышу голоса – причем иногда довольно авторитетные – о том, что программы должны строиться именно на тех примерах, которые воспитывают некие традиционные ценности, российские, русские. На мой взгляд, это горячечный бред. Роман “Братья Карамазовы” содержит в себе традиционные русские ценности? А Печорин, насильник и убийца, – это человек традиционных русских ценностей? Давайте перепишем “Братьев Карамазовых”, чтобы там все герои звались “Алексей Карамазов”! Давайте перепишем “Героя нашего времени”, чтобы все герои были максимами максимовичами!» [6].

В этом пассаже многое вызывает недоумение. В «Братьях Карамазовых» нет традиционных ценностей? Но уберите разговор о них из творчества Достоевского, и это будет уже какой-то другой писатель.

Весьма странными выглядят и аргументы, касающиеся персонажей. Неужели известный критик и литературовед всерьез полагает, что книга дает читателю понятие о нравственных ценностях, если в ней действуют сплошь личности без изъянов, а герои, не соответствующие идеалу, ничему хорошему научить нас не могут? Что же до вопросов воспитания, то их коснемся чуть позже.

На портале представлено еще несколько высказываний отечественных филологов (при этом одно из них принадлежит профессору ВШЭ, оскандалившемуся репликой про «клоачный русский язык», а субъектом другого является известный автор работ об акмеизме и Мандельштаме, получивший в прошедшем году степень иноагента), выстроенных примерно в таком же ключе: мол, школьный предмет литературы должен быть направлен сугубо на освоение эстетических аспектов произведений, а «”духовность”, “соборность” и всякая прочая “посконность”» [6] в стенах учебных заведений не нужны. По-видимому, эти мнения показались филологическому и педагогическому сообществу авторитетными и были даже включены в методические пособия [7].

В подобном духе выстроены и размышления Д. К. Баранова. Трактовка художественной литературы в школе с морально-этических позиций вызывает у автора явное неодобрение, слегка заретушированное иронией: «Высокая литература видится современному человеку неотделимой от высоких нравственных посылов, и само соприкосновение с этой литературой дает право говорить о высокой духовности того, кто соприкоснулся с ней, или нации, которой эта литература “принадлежит”» [1, с. 18]. Сразу скажем, что в размышлениях коллеги, имеющего богатый опыт школьной работы, безусловно, есть немалая доля объективности. «<... > Детей все больше подталкивают к тому, чтобы воспринимать художественную литературу как примитивную публицистику – исключительно как набор готовых моделей поведения и простых дидактических посылов» [1, с. 18]; «глубокие знания по предмету и умение вдумчиво анализировать художественный текст оказываются банально не нужны» [1, с. 18], – грустно свидетельствует Д. Баранов. То есть литературный текст не просто начинает осмысляться в идеологическом ключе (это как раз в определенной мере оправдано, о чем еще пойдет речь), а преподносится как некий конспект заранее известных ответов на бесхитростные вопросы. И дело здесь не столько в низкой компетенции преподавательских кадров, сколько во вводимых образовательных стандартах, порой совершенно

не учитывающих специфики ни преподавания литературы, ни собственно самой литературы как словесного искусства. «Стратегию литературного образования, как и образования в целом, стали определять чиновники, управленцы, нередко чисто технические работники, вытеснившие компьютерными технологиями живое слово» [4, с. 40], – с сожалением констатирует В. А. Доманский. Не всегда логичные инициативы «сверху» приводят к тому, что многие требования начинают выполняться педагогами формально, «для галочки», а главное, у учителя пропадает энтузиазм и желание работать «на совесть», полностью отдавая себя делу.

Однако означает ли все сказанное, что любое обсуждение нравственно-этических аспектов художественного произведения надо исключить из школьной практики? Ведь этика – это не набор прописных истин или прямолинейных идеологем, и тем более не какое-то морализаторство, а важнейшая и сложнейшая в своей основе область человеческого знания. Поневоле складывается впечатление, что уважаемые коллеги, сводя этику (как, по крайней мере, следует из их рассуждений) к примитивной дидактике, просто «забалтывают» серьезнейшие вопросы, примитивизируя и тем самым дискредитируя их суть. Что это – просто недалёковидность? Или сознательная позиция?

Данная проблема уже далеко выходит за рамки методики школьного преподавания, ее масштаб можно осмыслить лишь в исторической и социокультурной плоскости. Если на протяжении весьма долгого времени, фактически начиная с самого момента зарождения критической и литературоведческой мысли в России и, по меньшей мере, до заключительной трети XX столетия, главным объектом анализа художественного текста оказывались преимущественно его содержательные аспекты (что было во многом связано с характерным представлением о важной идейной нагрузке отечественной литературы, своеобразной ее «учительности»), то в постсоветскую эпоху маятник качнулся в другую сторону – на первый план вышли компоненты «формы».

Очевидно, что современный филолог, находясь, с одной стороны, под обаянием укоренившихся в гуманитарной науке последних десятилетий методологий, а с другой – под мощным влиянием постмодернистской культуры, с присущей ей пропагандой релятивизма и отказом от поиска высших ценностей и смыслов, испытывает явное отторжение от любых трактовок литературных произведений с точки зрения их моральной проблематики, да и в целом «идейного» содержания. И,

кстати, именно вузовской филологии обозначенная тенденция коснулась в гораздо большей степени, нежели школьного преподавания литературы (тоже по вполне понятным причинам). Думается, неслучайно упомянутые авторы, подвергающие сомнению важность осмысления в школе этического потенциала текста, так или иначе связаны с вузами. Изучение нравственно-этической и аксиологической составляющей произведения оказывается для сегодняшней академической науки вещью откровенно периферийной; более того, сама попытка обращения к подобным темам зачастую вызывает откровенное неодобрение у приверженцев «панэстетических» взглядов.

«Между искусством и моралью существуют такие же сложные взаимоотношения, как между наукой и религией. Уходить от этих проблем, сводить эстетическое к этическому – не только невежество, но и своего рода педагогическое преступление» [6], – не жалеет красок тот же Д. Бак. А Д. Баранов, в свою очередь, апеллирует к «Нобелевской лекции» (1987) Иосифа Бродского: «Всякая новая эстетическая реальность уточняет для человека реальность этическую. Ибо эстетика – мать этики; понятия “хорошо” и “плохо” – понятия прежде всего эстетические, предваряющие категории “добра” и “зла”» [2, с. 47]. Конечно, мнение столь авторитетной фигуры – сильнейший аргумент; однако, при всем уважении к гению Бродского, его позицию сложно считать безупречной. Кажется несомненным, что основные вопросы человеческого существования – бессмертия души, поиска истины и смысла жизни – связаны в первую очередь с философско-этическими категориями, но к проблемам собственно эстетическим они имеют достаточно малое отношение. А что касается художественной литературы, то если она не ставит эти вопросы, если не несет в себе тех самых «нравственных ценностей» – разумеется, поданных не прямолинейно-дидактически, а глубоко, объемно, в преломлении сложнейших философских контекстов, – то может ли такая литература претендовать на подлинную значимость, причем не только социальную, но и эстетическую? Кроме того, игнорируя идейную (и, в частности, этическую) составляющую отечественной классики, мы попросту не сумеем ее адекватно прочитать. В самом деле, как постигать Достоевского без разговора о православии? Как размышлять о Тургеневе, не погружаясь в атмосферу общественно-политических споров середины XIX в.? Как читать Горького, не зная о попытках Ницше встать «по ту сторону добра и зла»? Как разгадывать загадки «Двенадцати» без знакомства с утопическими построениями Блока?..

В то же время литература – это искусство. Однако если по отношению к самому художественному произведению вопрос «этика или же эстетика в нем первична?» бессмыслен, ибо любой текст существует, как известно, в неразрывном единстве его формы и содержания, то педагогический и пропедевтический подходы имеют свою специфику. Бесспорно, нельзя сводить все богатство произведения к однозначным моральным посылам. Но столь же ошибочно, особенно на ранних этапах знакомства с художественным словом, рассматривать литературу как царство «чистого искусства». В детстве нам важна, прежде всего, событийная линия, сюжет; в подростковом возрасте – переживания и внутренний мир героев; в юные годы – идеи и проблемы. Пожалуй, для школьника, даже учащегося старших классов, естественнее и важнее потребность в смыслах и ценностях, нежели в самодостаточной красоте. Эстетический вкус, безусловно, необходимо развивать, и нет никакого сомнения, что школа должна играть в этом развитии не последнюю роль. Но когда мы открываем книгу, то начинаем вхождение в ее мир все же не со стороны эстетики – так устроено наше сознание, нравится кому-то это или нет. И, наверное, неслучайно в былое время «художественные особенности» текста всегда освещались в учебниках после «идейных», а не перед ними.

Уже не говорим о том, что сам художник если и может концентрироваться исключительно на «форме плана», то, наверное, лишь в более-менее спокойные и стабильные времена. В переломные же и трагические эпохи литература вообще перестает быть просто искусством. Кто из авторов, родившихся на Великой Отечественной (или же сегодня на СВО) ставил во главу угла игру приемов? Нужно ли (и можно ли) с позиций чистой эстетики изучать «Молодую гвардию», «Тихий Дон», «Как закалялась сталь»? Да даже если взять классику XIX столетия – как-то сложно вообразить школьные уроки, посвященные «Преступлению и наказанию», «Отцам и детям» или «Грозе», где эти произведения рассматривались бы с упором именно на то, «как устроен текст», нежели на анализ сложнейшего философского и нравственно-этического содержания.

Здесь кроется еще одна важная проблема, связанная с профессиональными компетенциями педагогов, часто рассуждающих о школьном изучении литературы с позиций филологов-профессионалов. Базовые филологические знания в школе прививать, конечно, необходимо, но все же, согласно нашему стойкому убеждению, не следует

превращать школьные занятия литературой в курсы литературоведения, а ребят уподоблять ученым-словесникам. Как справедливо отмечают педагоги, «перенесение методов преподавания науки в сферу идейно-эстетического переживания приводит к эмоционально-образной обедненности» [9, с. 70]. Филология – интереснейшая, но весьма специфическая область; у нее и общеобразовательного предмета «литература» несколько различные цели и задачи. Хотя бы потому, что любая изучаемая в средней школе дисциплина – элемент педагогического процесса. А одной из его составляющих является то самое воспитание.

Не секрет, что в национальном общественном сознании именно литература, выделяясь среди других искусств, всегда воспринималась как средство мощного влияния на человека и социум. Еще С. А. Венгеров отмечал: «<...> Наша литература никогда не замыкалась в сфере чисто художественных интересов и всегда была кафедрой, с которой раздавалось поучительное слово» [3, с. 5]. Возможно, не всегда эта функция успешно осуществлялась (на что есть много причин), но то, что она нашей литературой намечена, неоспоримо.

Примечательно, что, в отличие от филологов, профессиональные педагоги и психологи стараются выявлять в художественной литературе в первую очередь ее этический и воспитательный потенциал. «Художественная литература может сыграть роль своеобразного “руководства” в моральном самоопределении подростка, ответить на многие чрезвычайно значимые для него вопросы о человеке» [8, с. 128]. «Предмет “Литература” является кладезем воспитательных основ. А литературные произведения при глубоком и детальном изучении помогают растить поколение, обладающее чуткой душой, умеющее оценивать поступки других, уважающее свое прошлое, стремящееся изменить мир к лучшему» [5, с. 122], – отмечают современные учителя, при этом вовсе не ради красного словца, а ориентируясь на свой личный опыт, предлагая авторские методики анализа текста именно с этических позиций. Однако радетели эстетики стараются этот опыт просто не замечать.

По-видимому, мы слишком долго находились в плену представлений о том, что «автор умер», наступил «конец истории» и единственное, что сегодня остается образованному человеку, – это удалиться в «башню из слоновой кости» и восхищаться самоценной красотой. Однако та самая история сегодня в очередной раз демонстрирует несостоятельность подобных взглядов.

Литература

1. Баранов Д. К. Литература в современной школе: этика vs. эстетика, форма vs. содержание // Ученые записки Новгородского государственного университета. 2020. № 1 (26). – С. 18.
2. Бродский И. А. Лица необщим выраженьем. Нобелевская лекция // Сочинения Иосифа Бродского: В 7 т. Т. 6. СПб.: Пушкинский фонд, 2003. – С. 44–54.
3. Венгеров С. А. Очерки по истории русской литературы. 2-е изд. СПб.: Типография т-ва «Общественная польза», 1907. – 492 с.
4. Доманский В. А. Современный этап литературного образования: эволюция или «революция сверху»? // Современная методика преподавания литературы: стратегии развития. XXIV Голубковские чтения: Материалы междунар. научно-практич. конф., 24–25 марта 2016 г. / Отв. ред. В. Ф. Чертов. М.: Экон-Информ, 2017. – С. 37–43.
5. Ликерная О. С., Панюкова Т. А. Приемы формирования нравственных качеств, духовных ценностей, культуры человеческих взаимоотношений подрастающего поколения на уроках литературы в условиях современной школы // Юность и знания – гарантия успеха – 2020. Сборник науч. трудов 7-й междунар. молодежн. науч. конф.: В 3 т. Т. 2. Курск: Юго-Западный государственный университет, 2020. – С. 120–122.
6. Мнения экспертов ПостНауки об основных проблемах преподавания литературы в средней школе [Электронный ресурс]. URL: <https://postnauka.org/talks/29996> (дата обращения: 25.02.2025).
7. Структура рабочей программы дисциплины (модуля) – Б1.В.ДВ.05.01 Актуальные проблемы преподавания литературы [Электронный ресурс] URL: [https://mauniver.ru/upload/iblock/33e/Б1.В.ДВ.05.01%20 Актуальные пробл препода лит.pdf](https://mauniver.ru/upload/iblock/33e/Б1.В.ДВ.05.01%20Актуальные%20пробл%20препода%20лит.pdf) (дата обращения: 25.02.2025).
8. Хачикян Е. И., Похаленков О. Е. Формирование духовно-нравственных ценностей личности на уроке литературы в современной школе // Родной язык в лингвокультурологическом аспекте. Смоленск: Смоленский государственный университет, 2023. – С. 127–133.
9. Шелестова З. А. Театральная педагогика как основа методики обучения студентов искусству художественного чтения // Современная методика преподавания литературы: стратегии развития. XXIV Голубковские чтения: Материалы междунар. научно-практич. конф., 24–25 марта 2016 г. / Отв. ред. В. Ф. Чертов. М.: Экон-Информ, 2017. – С. 69–75.